

ИНДОНЕЗИЯ: СУДЬБЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Роль идеологии панча сила, что на санскрите означает «пять принципов», в жизни индонезийского общества и государства можно разделить с небольшой долей условности на четыре этапа. Первый (1945 – 1958 гг.) с провозглашения независимости до введения режима личной власти («направляемой демократии») президента Сукарно. Второй (1959 – 1965 гг.) – «направляемая демократия». Третий (1966 – 1998 гг.) – военно-репрессивный режим «нового порядка», при котором было институировано понятие «демократия панча сила». Четвертый – начавшийся в 1998 г. с падением «нового порядка» период демократических реформ.

Пять принципов были сформулированы будущим первым президентом независимой Индонезии Сукарно 1 июня 1945 г. в докладе на заседании Комиссии по подготовке независимости. Приводим их в том порядке и в той формулировке, в которых они 16 августа 1945 г. вошли в преамбулу конституции Республики Индонезии, провозглашенной днем раньше: 1) вера в Единого Бога; 2) справедливый и цивилизованный гуманизм; 3) единство Индонезии; 4) народность (демократия), основанная на принципе консультаций и представительства; 5) социальная справедливость для всего индонезийского народа.

В докладе 1 июня 1945 г. Сукарно говорил, что нужна идеология, приемлемая для всех. Поэтому, возможно, в его изложении они звучали несколько иначе, нежели позже в преамбуле основного закона. Он говорил о национализме, означающем создание национального государства, но без превосходства над другими нациями. Принцип представительства он толковал как приоритет переговоров, дискуссий, борьбы мнений. «Если мы стремимся к демократии, то изберем не западную демократию, но жизнетворное представительство, политико-экономическую демократию, способную принести социальную справедливость..., всеобщее благосостояние». Он указывал,

что новое государство будет религиозным, но эта религиозность должна быть цивилизованной, что подразумевает взаимную веротерпимость. По мнению Сукарно, если бы ему предложили свести пять принципов в один, то это был бы принцип взаимной помощи между богатыми и небогатыми (заметим, что уже здесь косвенно предполагалось социальное неравенство), между христианами и мусульманами, между коренными индонезийцами и метисами¹.

Отечественный индонезиевед В.А. Цыганов справедливо относил к заслугам Сукарно «обоснование необходимости создания государства панча сила, а не государства ислама в Индонезии, внедрение этого принципа в массы и всемерное его отстаивание на всех этапах развития индонезийской государственности, сохранившей благодаря этому свою целостность»². Действительно, если бы одержали верх сторонники создания исламского государства, это почти неизбежно привело бы к отходу от Республики ее восточных территорий с преимущественно христианским населением, да и в остальных областях степень ортодоксальности мусульман в приверженности религии далеко неравномерна.

Сукарно точно уловил потребность нации в единении и сумел формулировать те принципы, на основе которых такое единение было возможно. Но реальное сплочение нации на базе единой идеологии было возможно только на самом начальном этапе независимого развития. В определенный момент в массах возникает потребность в социально-экономических сдвигах, обеспечивающих преодоление отсталости, имущественного неравенства, неравномерности экономического развития регионов и этносов. Неравномерность и неравенство в условиях Индонезии налагаются на конфессиональные различия и потому становятся еще опаснее. Феномен исламистского радикализма обозначился в независимой Индонезии еще в 1940-х гг., выступление коммунистов против центрального правительства имело место в 1948 г., а сепаратизм христиан Молуккских островов обозначился в 1950 г. Возможно, Сукарно первоначально видел в панча сила идеологию, подлежащую развитию с внедрением в нее более конкретного содержания. В то же время фактические процессы в стране порождало новые

противоречия, формировали противостоящие друг другу политические силы. В определенном смысле Сукарно и его сторонники стали заложниками своих патриархально-народнических принципов. Они инстинктивно ощущали, что экономические процессы разрушат патриотическую ауру, обнажат все до поры скрытые различия и создадут новые, более явные и непреодолимые. Отсюда введение режима личной власти президента – «направляемой демократии» в 1959 г., фактический отказ от экономического развития в пользу приоритетных широкомасштабных политических кампаний – сначала за возвращение в лоно страны западной части острова Новая Гвинея (Западный Ириан), удерживавшейся голландцами (1961-1963), затем противостояние созданной в 1963 г. Федерации Малайзия, которая позиционировалась правительством Сукарно как детище международного империализма и прямая угроза безопасности Индонезии.

Отечественный исследователь А.Б. Беленький писал, что заложенные в идеологии панча сила традиционалистские призывы к сотрудничеству и семейной сплоченности, прославление самобытности индонезийской демократии должны были «оправдать отказ от социальных преобразований, систему личной власти и культ харизматического вождя»³. Национальная идеология превращалась в некое заклинание, тогда как политические процессы развивались вне ее.

Общинно-патриархальные принципы панча сила входили в противоречие с этими процессами, из которых главными, определяющими были формирование слоя бюрократической буржуазии, преимущественно за счет коррумпированной верхушки армии, и обострение проблем в деревне, где полуфеодалская мусульманская верхушка активно саботировала проведение аграрной реформы. Это происходило в условиях ухудшения экономической ситуации, обнищания населения.

В стране назрел кризис, и этим воспользовался генералитет, который под лозунгом защиты государственной идеологии совершил в конце 1965 - начале 1966 гг. государственный переворот. Его первым этапом стал беспрецедентный по масштабам террор против массовой коммунистической партии и ее сторонников, в которых армия видела главное препятствие к осу-

ществлению своих планов прихода к власти. Вслед за этим в 1967 г. был смещен со своего поста президент Сукарно, который со своими национал-народническими взглядами был несовместим, в частности, с той ролью, которой правящая армия намеревалась наделить пять принципов. С точки зрения военного режима «нового порядка», который возглавил генерал Сухарто, панча сила фактически должна была заполнить все идеологические ниши при монопольном праве военного аппарата на ее толкование. Таким образом, бюрократическая буржуазия, ставшая господствующим классом и использовавшая армию в качестве аппарата власти, уничтожив многие сотни тысяч тех, кто мог этому противостоять, провозгласила единственной национальной идеологией панча сила с ее принципами консультаций, консенсуса и социальной справедливости.

В сфере идеологии «новый порядок» широко использовал наследие Сукарно, стремясь вместить реальности капиталистической модернизации социальных отношений в рамки его национал-народнической доктрины, но полностью отвергая относительный плюрализм, присутствовавший в «направляемой демократии». В ноябре 1972 г. президент Сухарто говорил: «В развивающемся обществе крайне необходимо чувство социальной солидарности, поскольку общество, ощущающее себя единым, обладающее сознанием общности судьбы, может справиться с самыми сложными задачами»⁴. Он призывал отказаться от «старого образа мышления» и не заниматься идеологическими дискуссиями, «поскольку всем ясно, что идеология у нас одна – принципы панча сила»⁵. Газета «Ангкатан барсенджата» (военный официоз) писала 24 марта 1971 г.: «В своей борьбе партии должны исходить не из своих идеологий – идеология у нас одна – принципы панча сила и Конституция 1945 г., – а обратиться к конкретным проблемам развития страны, решение которых принесет непосредственную пользу обществу... В настоящее время неуместна любая деятельность, не имеющая прямого или косвенного отношения к развитию».

В 1966 г. постановлением высшего законодательного органа страны Временного народного консультативного конгресса (№ XX) панча сила была объявлена первоисточником всех норм права.

Производным от государственной идеологии стала «демократия панча сила» - термин, обозначавший и политический режим «нового порядка», и систему взглядов на права и обязанности гражданина, на отношения между личностью и обществом. В заявлении парламентской фракции вооруженных сил от 13 мая 1971 г. говорилось, что принципы демократии в Индонезии предполагают «обязанность оберегать национальное единство и сплоченность, избегать действий, могущих подорвать единение нации и целостность государства, задевающих чувства той или иной группы населения или восстанавливающих одну группу против другой, особенно, когда и те, и другие принадлежат к силам “нового порядка”»⁶. Последняя оговорка чрезвычайно характерна. Правила игры, заложенные в официальной демократии, оставляли вне закона инакомыслящих, а право судить о том, какие именно деяния нарушают национальное единение, оставалось за внеконституционными всевластными военными структурами и органами безопасности. Национальная идеология с ее в целом достаточно гуманистическими принципами была не основой принятия политических решений, но лишь орудием удержания власти военной верхушкой.

Возможно, Сухарто и его окружение инстинктивно ощущали опасность, которую создавал столь строго охранявшийся ими идейный вакуум. Во всяком случае, в автобиографии Сухарто характеризовал панчасилаистское общество как религиозно-социалистическое, обосновывая это тем, что «религиозность уже несет в себе социализм», а панча сила делает упор на два неразрывно связанных свойства человека – как индивидуума и как члена общества, - и между этими свойствами всегда поддерживается равновесие⁷.

Это была несомненная демагогия, но важно, что Сухарто счел необходимым прибегнуть к этой демагогии и вернуть в политический оборот термин «социализм», находившийся под фактическим запретом со времени антикоммунистического террора 1965-1966 гг. Не исключено, что лидер режима ощутил дефицит орудий идеологического воздействия на общественность. Но это упоминание о социализме было едва ли не единственным в истории военного режима – скорее всего идею

нашли слишком опасной в условиях углубления социального неравенства, произвола властей и работодателей. Так, в 1991 г. лишь примерно в половине компаний заработная плата достигала законодательно установленного уровня или превышала его. Только в одной провинции (из 28) – в Батаме – этот уровень составил 125,5% минимальных физических потребностей, в других провинциях он достигал от 89,3% (в Аче) до 39,5% (в Джокьякарте). В столице Джакарте он равнялся 76,7%⁸.

В долгосрочном плане стране пришлось дорого заплатить за мнимую стабильность: изъятие самых насущных и острых проблем из круга общественной дискуссии, отсутствие состязательности вели к тому, что процессы в обществе развивались стихийно и подспудно, вылившись в конечном итоге в кризис и падение режима в мае 1998 г., сопровождавшиеся погромами и насилием.

Как автору приходилось отмечать, крах «нового порядка» и начало эпохи реформ не означали радикальную смену элит, поэтому ряд генетических особенностей предыдущих режимов сохранились. Сознвая необходимость радикальных политических преобразований, гражданская и, в особенности, военная элита в большинстве своем не были готовы решительно отмежеваться от репрессивного «нового порядка». Столкнувшись с активизацией радикальных исламистов, располагавших наиболее разветвленной инфраструктурой в виде мечетей и школ-интернатов, новая власть в идейном плане не смогла противопоставить этой угрозе ничего, кроме всё той же официальной идеологии, существенно скомпрометированной в предыдущие десятилетия, и не сочла нужным создать условия для реальной состязательности идей. В этих условиях социальные противоречия, как и при предыдущем режиме, остаются питательной почвой для развития исламизма, который становится, в частности, квазиидеей социальной справедливости.

Четыре пакета поправок к конституции, принятые в 1999 – 2002 гг., коренным образом изменили политическую систему страны в сторону демократизации. Армия формально лишилась статуса автономной политической силы, формирование органов законодательной власти происходит только на выборной основе, отдельная глава посвящена правам человека в их вполне со-

временной трактовке. Seriously ограничены ранее практически безбрежные прерогативы президента, создана вторая палата парламента, представляющая регионы и в этом смысле призванная укреплять единение государства Республика Индонезия. Вместе с тем, многие в стране считают, что полномочия второй палаты нуждаются в расширении. Однако в области идеологии ничего не изменилось. Попытка президента А.Вахида (1999 – 2001 гг.) добиться отмены запрета, наложенного в 1966 г. на научный социализм, встретила жесткое сопротивление со стороны, как военных, так и системной исламской элиты, и послужила одной из причин вынесенного ему импичмента.

Заметим, что состязательность была необходима и для самой официальной идеологии, нуждавшейся в новых идеях. В особенности это касается новых подходов к роли и правам личности, неотъемлемого элемента демократизации. Элита не была готова к состязанию идей. Статья 219 Уголовного кодекса предусматривает до семи лет тюремного заключения за пропаганду коммунизма, статья 220 – десять лет за создание организации на основе этой идеологии, такой же срок грозит тем, кто вознамерится заменить панча сила другой идеологией (ст. 221).

В период «нового порядка» вследствие значительного экономического развития возник новый социальный уклад и новый социальный слой – средний класс. Но, удушая политическую мысль, военный режим не позволил ему выдвинуть свои концепции политического развития или хотя бы модернизировать панча сила, приблизив ее к потребностям развития рыночной экономики. В выступлениях видных аналитиков и политических деятелей Индонезии мы находим весьма критические оценки состояния политической мысли и политической культуры современной Индонезии. Бывший председатель Конституционного суда М.Д. Махфуд считает, что страна сейчас переживает кризис, вызванный недостатком лидеров, обладающих таким качеством, как интеллигентность. «Университеты выпускают людей с дипломами, но из их стен очень мало выходит интеллигентных людей, сочетающих интеллект с высокими моральными качествами», говорит он⁹. В том же духе высказывается известный культуролог и политолог Ф. Магнис-

Сусено, обвиняющий современную индонезийскую элиту в коррумпированности и оппортунизме¹⁰.

Эти слабости находят свое отражение и в идеологической области. Стремление сохранить в новых условиях общинные системы ценностей выразилось в отношении к формулировке статьи 33 Конституции, которая (п.1) гласит, что «экономика строится на основе совместных усилий и на принципе семейности» (В индонезийском тексте термин «семейность» звучит как “*azas kekeluargaan*”, а в официальном английском переводе как “*based upon the principle of the family system*”). А.Б. Беленький переводил его как «семейная сплоченность»¹¹, что представляется близким по духу к замыслу авторов основного закона.

В.А. Цыганов справедливо считал, что основным закон, принятый в 1945 г. (до внесения в него поправок) был «конституцией третьего пути развития» - не капиталистического, не коммунистического, но народнического, общинно-эгалитарного, в нем даже не упоминалось о частной собственности¹². В первоначальном виде, формулировке 1945 г., статья 33 звучала следующим образом:

1. экономическая жизнь осуществляется в форме современных усилий на основе принципа семейной сплоченности;

2. отрасли производства, имеющие важное значение для государства и прямо затрагивающие жизненные интересы большинства населения, принадлежат государству;

3. земля, водные ресурсы и заключенные в них природные богатства принадлежат государству и в максимальной степени используются в интересах народа

Очевидно, что современные рыночные отношения не могут быть ограничены этими положениями. В 2002 г. к статье был добавлен пункт, представляющий собой весьма осторожную попытку приблизить конституционные нормы к реальностям жизни:

4. Деятельность в области национальной экономики основывается на экономической демократии при соблюдении принципа общности, эффективности, справедливости, непрерывности, сохранения окружающей среды, самостоятельности,

сохранения должного отношения между прогрессом и целостностью национальной экономики.

Фактическое сохранение статьи 33 в первоизданном виде призвано изобразить углубляющееся социальное расслоение как не соответствующее принципам индонезийской нации и потому сугубо временное.

Постулат сакральности национальной идеологии стал главным орудием партий, институтов и движений, которые с консервативных позиций весьма критически оценивают значение демократических реформ, начавшихся в 1998 г. Их диапазон достаточно широк – от втайне мечтающих о реванше генералов до системных мусульманских организаций и националистов-традиционалистов. Зулкифли Хасан, спикер верховного органа государственной власти Народного консультативного конгресса, того самого, который принимал поправки основного закона, выступая перед студентами, сказал, что с принятием этих поправок конституция претерпела коренные изменения и уже не отражает устремления отцов-основателей государства. Она, в частности, противоречит четвертому пункту панча сила (принцип консультаций и консенсуса). Нынешняя демократия, по его мнению, слишком похожа на западные образцы и способна привести к социальному неравенству и бедности¹³. В другом случае он утверждал, что демократия в Индонезии склоняется к западным образцам, а не к принципам семейной сплоченности, консультаций и консенсуса, «обходится дорого, и тот, кто хочет стать губернатором, главой района или членом парламента, должен искать себе спонсора. Таким образом, суверенитет теперь принадлежит не народу, а спонсорам, дельцам. Кроме того, богатые становятся богаче, а бедные беднее»¹⁴.

Это опасная тенденция – относить рост социальных различий и противоречий, усиление коррупции за счет демократических реформ. Свою роль играет тот факт, что грубое вмешательство Запада, прежде всего США под лозунгом развития демократии уже привело к ряду губительных кризисов на Ближнем Востоке, и в Индонезии одни всерьез опасаются аналогичных процессов в своей стране, другие ссылаются на них в качестве аргумента против демократических преобразований.

К последним относится, прежде всего, генералитет. Главком вооруженных сил генерал Гатот Нурмантьо считает, что против Индонезии ведется гибридная война, которая угрожает всем сторонам жизни государства вплоть до благополучия каждой семьи. Эта война, по его словам, находит выражение в анархистских выступлениях рабочих на предприятиях, акциях учащейся молодежи и студентов, злоупотреблениях наркотиками, расколе между армией и полицией, расколе в политических партиях, манипуляциях с использованием средств массовой информации. Все эти явления планируются и направляются невидимыми силами, использующими свою агентуру, и таким образом индонезийская нация, сама того не сознавая, идет к гибели¹⁵. Основная идея заключается здесь в том, что внутренние процессы индонезийской жизни не дают повода для конфликтов и потрясений, которые провоцируются и направляют только извне. В другом случае генерал сетовал на размывание национальной идеологии и критиковал систему голосования, противопоставляя ей принцип консенсуса как соответствующий национальной самобытности¹⁶.

Как мы видим, политическая психология военной элиты мало изменилась со времен «нового порядка» - все то же стремление возвести в абсолют гармонию, социальный мир, всеобщее равновесие. Все, что противоречит этой идеальной концепции, не порождается объективными процессами, а выдается за злокозненные акции врагов нации. При этом молчаливо предполагается, что армия есть главная сила, противостоящая этим козням. Опыт предыдущих режимов, их краха как бы не существует.

В конце 2015 г. делегация Движения за спасение унитарного государства Республики Индонезии во главе с генерал-лейтенантом в отставке Приянто посетила Зулкифли Хасана и вручила ему петицию с призывом вернуться к первоначальному варианту основного закона во избежание политических и социальных бедствий, поскольку внесенные поправки игнорируют национальную идеологию. В составе делегации были, в частности, дочь первого президента страны и сестра пятого главы государства Рахмавати Сукарнопутри и бывший главком вооруженных сил генерал в отставке Джоко Сантосо¹⁷.

Строго говоря, внесенные поправки действительно не полностью соответствуют исконным духу и букве панча сила, в особенности, в части, касающейся модернизации политической системы - отказ от назначения членов законодательных органов, принятие решений путем голосования и др. Но политическая система не смогла бы обеспечить развитие страны, если бы продолжала основываться на идеологических канонах, порожденных общинным укладом.

Апелляция к антикапиталистическим традициям в условиях ускоренного развития капиталистического способа производства и соответствующих общественных отношений отражает тот идейный вакуум, о котором говорилось выше. Индонезийский политолог Идинг Райидин (университет «Паджаджаран» в Бандунге) относит трудности современного развития Индонезии за счет того, что «реформы 1998 г. начались неожиданно, подобно некоему демократическому взрыву, и не сопровождались постепенным совершенствованием политической культуры»¹⁸. Симптомом идейного вакуума могут служить постоянные выступления против неолиберализма и капитализма как противоречащих духу национальной идеологии. Глава правозащитной организации «Ипарсиал» Ал Араф назвал забавной ситуацию, когда высокопоставленные военные, с одной стороны, критикуют капитализм и неолиберализм в экономической жизни страны, а с другой, непримиримы ко всему, что «отдает» коммунизмом и марксизмом-ленинизмом. «Так кто же вы?» - задавал он риторический вопрос¹⁹.

Опасность этой ситуации ощущают и некоторые политические деятели. Один из лидеров Демократической партии Индонезии (борющейся) Идхам Самади писал еще в 2011 г.: «Было бы чрезвычайно нежелательно, если общество начнет самостоятельно искать пути решения проблем, искать новые установки, не соответствующие государственной идеологии панча сила»²⁰. В этом высказывании характерным образом сочетается традиционализм, вообще присущий этой крупнейшей в Индонезии партии, с ощущением тревоги, для которой есть серьезные основания. Как следует из результатов одного из опросов, на вопрос, укрепляется в Индонезии национальное единство, положительно ответили 7% респондентов, а 93% считают, что

оно ослабевает. Лишь 1,6% опрошенных считают, что растет роль консенсуса, и 98,4% это отрицают. Мнения, что национальные и государственные интересы имеют приоритет над личными, придерживаются 5%, остальные на первое место ставят личные интересы. Лишь 7% респондентов считают, что общество приблизилось к осуществлению принципа социальной справедливости, 93% считают иначе. «Эти результаты показывают, что национальной идеологии грозит паралич. Пять принципов заучивают, но не осуществляют на практике», заключает приводивший эти данные З. Хасан²¹. Его мнение подтверждается положением в религиозной сфере, где предполагается господство первого принципа. Как показали исследования, проведенные Институтом имени А. Вахида, число нарушений свободы вероисповедания в 2015 г. составляло 190 против 154 годом раньше. Из них более половины (99) исходят от государственных инстанций – полиции (28), местных властей (31), Министерства по делам религий и его органов на местах (12), военных структур (7) и др. При этом местные власти, издавая постановления по проблемам религиозных отправлений, пренебрегают границами своих полномочий – таким правом располагают только центральные органы.

Неорганизованные массы совершили 29 нарушений, Совет улемов – 21, Фронт защитников ислама – 13. Районы с самым высоким уровнем религиозной нетерпимости – Западная Ява (46 инцидентов), Аче (36), Джакарта (20). Нарушения свободы вероисповеданий, исходящие от органов государственной власти, чаще всего заключаются в закрытии культовых сооружений, запрещении их возведения, запретах религиозных мероприятий. Число нарушений в целом гораздо меньше там, где мусульмане составляют религиозное меньшинство – так, в 2015 г. на Восточном Калимантане и Западном Папуа отмечено по одному инциденту²². В других же районах имеет место прямое попустительство правоохранительных органов по отношению к радикальным исламистским организациям, к их действиям против иноверцев (прежде всего христиан) и «девиантных» единоверцев, в частности, шиитов. Печать сообщает, что в некоторых случаях полиция использует экстремистов, когда ее собственное прямое участие связано с тем или иным риском²³.

Видный деятель Демократической партии Индонезии (борющейся) Ахмад Басара считает, что против Индонезии сейчас ведутся две войны, которые на первый взгляд незаметны, но последствия их ощутимы. Первая (о ней упоминалось выше) имеет целью внедрение универсальной транснациональной системы ценностей, имеющей в основе своей индивидуализм и либерализм. Вторая – религиозный радикализм. В обоих случаях дело начинается с уничтожения коллективной исторической памяти и высоких национальных ценностей, наследия, оставленного национальными лидерами. А после достижения этой цели на смену национальной доктрине придут чуждые идеологии – религиозный радикализм и неолиберализм²⁴.

Рассуждения А. Басара, в частности, относительно исламского радикализма представляются достаточно обоснованными. В условиях фактической криминализации властями Индонезии радикальной светской социальной идеологии создавшийся вакуум, по крайней мере, частично, заполняет, как и в предыдущие десятилетия, радикальный ислам, объединяя в себе консервативно-националистические устремления (противостояние глобализации, отождествляемой с американизацией) и идею равенства людей перед Всевышним. По данным опросов, проводившихся Институтом им. А. Вахида, 7,7% индонезийских мусульман готовы сотрудничать с террористами (заметим, что ислам исповедуют до 90% 256-миллионного населения страны), а 0,4% уже приняли участие в террористических акциях. В Джакарте и Бандунге настроения 35,7% учащих старших классов характеризуются «пассивной» религиозной нетерпимостью, 2,4% выражают ее активно, а 0,3% являются потенциальными террористами. Немало молодых индонезийцев воюют в Сирии на стороне ИГ²⁵.

Большинство представителей политической элиты (или субэлит) в публичных выступлениях исходят из того, что социальные, экономические и межконфессиональные конфликты могут быть преодолены, прежде всего, путем социализации на всех уровнях и всеми доступными средствами ценностей национальной идеологии. Второго июля 2013 г. парламент Индонезии принял закон об общественных организациях, который, в частности, требует, чтобы деятельность этих организаций не

противоречила панча сила. В принципе в этом не было бы ничего опасного, если бы не известная размытость принципов, позволяющая самые различные толкования в зависимости от политической ситуации.

Высказывается мнение о целесообразности возвращения к действовавшей во времена «нового порядка» системе обязательного изучения национальной идеологии на всех уровнях, в том числе для государственных служащих и парламентариев, поведение которых «не всегда соответствует требованиям, вытекающим из их статуса»²⁶.

Как было показано выше, активная апелляция к принципам панча сила исходит из трех источников – немусульманских партий, системной мусульманской элиты и армейских верхов. Как представляется, мотивы их несколько различаются. Партийные лидеры (прежде всего, ДПИБ) клянутся в верности национальной идеологии, полагая, что ссылки на нее придают законную окраску любым программным установкам в политической, экономической и социальной областях. Руководство системной мусульманской элиты исходит из тех же позиций, но к ним присоединяется тот факт, что принцип религиозности подвержен широкому спектру толкований – от запрещения атеизма до возможности выступить против оппонентов, объявив их взгляды «девиантными» и добившись по этому поводу соответствующей фетвы Совета улемов Индонезии или директив Министерства по делам религия. Впрочем, в последние годы это ведомство в подходе к религиозным вопросам занимает в ряде случаев позицию, более соответствующую эпохе реформ, хотя и встречает упорное сопротивление консерваторов. Министр Лукман Хаким заявил в 2015 г.: «исповедовать религию все равно, что любить свою жену. В моих глазах она самая прекрасная в мире, но я не вправе называть чужую жену безобразной»²⁷.

Вместе с тем, идеология панча сила рассматривается системной мусульманской элитой, как и другими политическими силами, в качестве средства противодействия развивающейся тенденции исламистского радикализма, которая рассматривается в качестве угрозы и национальной целостности, и собственному положению мусульманской верхушки.

Наконец, для генералитета, действующего и отставного, принципы панча сила суть средство противодействия тому, что генералы называют либерализмом и неолиберализмом, представляющим, по словам главкома вооруженных сил генерала Нурмантьо, главную угрозу для Индонезии, поскольку они несут с собой индивидуализм, анархию и коммунизм²⁸. В существенной мере эта позиция определяется опытом последних лет, когда в результате безоглядного и часто насильственного насаждения извне либеральных ценностей, ряд стран Востока погрузился в кровавый хаос. Но одновременно именно этот опыт используется для отрицания необходимости продолжения и углубления демократических реформ, упрочения прав личности под тем предлогом, то «в панча сила все есть» и именно эти принципы соответствуют индонезийской индивидуальности.

Армия не отказывается ни от одного звена в своей преемственности наследию предыдущего политического режима. Формальным исключением можно считать то, что в новых условиях прежнее название «Вооруженные силы Республики Индонезии» (Angkatan Bersenjata Republik Indonesia) заменено на «Национальная армия Индонезии», (Tentara Nasional Indonesia), бытовавшее в годы освободительной революции. Признание армией своей вины за все, что происходило в тот период, было бы признанием неправомерности ее позиционирования себя в качестве наднациональной силы и легитимности возглавлявшегося ею режима в 1966-1998 годах. Именно под предлогом защиты национальной идеологии армия развернула беспрецедентный террор против своих политических и классовых противников. Военная элита, пожалуй, наиболее резко и болезненно реагировала в 2015-2016 гг. на резкий всплеск внимания к событиям 1965-1966 гг. в связи с пятидесятилетием этой трагедии. Международный народный трибунал (International People`s Tribunal) в Гааге вынес чрезвычайно жесткое решение по этим событиям, признав их геноцидом по отношению к значительной части индонезийской нации. При этом был сделан вывод, что три иностранных державы участвовали в этом геноциде – США предоставляли индонезийским военным стрелковое оружие, средства связи и списки коммунистов, подлежащих репрессиям, Великобритания и Австра-

лия вели пропагандистскую кампанию, манипулируя общественным мнением в пользу индонезийских военных. Эти действия продолжались и после того, как стало очевидно, что имеют место «убийства в массовых масштабах и без разбора». При этом указанные страны имели достаточно информации от своих дипломатических представительств в Индонезии и средств массовой информации. Тогдашний министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности генерал Лухут Панджаитан был едва ли не единственным представителем правительства, кто категорически отрицал указанное в решении суда число убитых - не менее 400 тысяч человек (фактически, вероятно, значительно больше – А.Д.). Он отрицал также соучастие иностранных держав в этих событиях²⁹.

Вместе с тем, есть основания говорить об определенных сдвигах в идеологической сфере в последние годы. Достоинно внимания выдвигание формулы «четырёх столпов» индонезийского общества, к которым наряду с панча сила отнесены Конституция, унитарный характер индонезийского государства и высеченный на национальном гербе девиз «Единство в многообразии». Противники этой формулы не без основания указывают, что в ней панча сила перестает быть фундаментом индонезийского государства и нации. Но дело именно в том, что произошла известная конкретизация национальной идеологии. На первом плане оказались проблемы, требующие конкретных подходов и решений – соблюдение основного закона с внесенными в него поправками, преодоление сепаратистских тенденций и этноконфессиональных трений в полирелигиозной, полиэтнической и поликультурной стране.

Примечательно, что Джоко Видодо в своей предвыборной программе «Девять целей» (Nawacita) ни разу не упомянул о панча сила и фактически не апеллировал к ее идеалам. В документе объемом в 41 стр. были обозначены следующие задачи (цитируется по тексту, опубликованному в джакартской газете “Suara Pembaruan” 20.10.2014 г.):

1. возродить роль государства как защитника нации и вселить ощущение безопасности в сердца всех граждан путем проведения активной и независимой внешней политики, обеспе-

читать надежную безопасность, исходя из национальных интересов и упрочив самосознание государства как морской державы;

2. создать эффективное и надежное демократическое правительство, которое поставит главной своей задачей возрождение доверия населения к демократическим институтам, продолжать упрочение демократии через реформу партийной системы, всеобщие выборы и представительные органы;

3. развивать и укреплять окраинные регионы и сельскую местность в рамках унитарного государства;

4. не допускать ослабления государства, совершенствуя правоохранительную систему, свободную от коррупции, пользующуюся авторитетом и доверием;

5. повышать качество жизни населения путем совершенствования системы образования через программу «Умная Индонезия», продолжая осуществление аграрной реформы и программы расширения землевладения, развитие системы субсидируемых дешевых сельских жилищ и системы социального обеспечения к 2019 г.;

6. повышать производительность труда и конкурентоспособность продукции на мировом рынке, чтобы индонезийская нация стала передовой и поднялась на один уровень с другими народами Азии;

7. добиться экономического самообеспечения, развивая стратегические секторы национальной экономики;

8. осуществить революцию национального характера путем перестройки национальной образовательной системы, выдвигая на первый план гражданское воспитание при необходимым соотношением между изучением истории становления нации, привитием патриотических ценностей, любовью к Родине, готовностью защищать государство и нравственностью;

9. укреплять плюрализм и активизировать социальное возрождение страны путем воспитания граждан в духе плюрализма и создания пространства для диалога между гражданами.

Повторим, что здесь ни разу не упоминается панча сила, в какой-то мере с ней перекликается лишь первый пункт, где делается упор на унитарный характер индонезийского государства. Джокко Видодо, то, что по-английски называется self-made man, прошедший путь через предпринимательство к посту мэра

города Соло (столица провинции Центральная Ява) и затем мэра Джакарты, не обошел проблемы патриотизма, плюрализма, экономической и политической независимости.

Как видно хотя бы из пункта 3, для Джоко Видодо путь к обеспечению целостности страны лежит через развитие окраин, и в последующем он будет уделять значительное внимание проблемам регионов и, в частности, совершенствованию инфраструктур, прежде всего, морского транспорта.

Десятого мая 2014 г. он опубликовал в столичной газете «Компас» программу духовной революции (революции менталитета). Он указал, что индонезийцы слишком погружены в прошлое и их мышление мало продвинулось вперед в сравнении с той эпохой, когда Сухарто правил ими железной рукой. С той поры сохранились некоторые «традиции» - коррупция, нетерпимость, алчность, эгоизм, склонность к насилию как средству решения проблем, неуважение к закону и оппортунизм. Он призвал осуществить духовную революцию, которая должна включить в себя создание прозрачной политической системы, свободной от подкупа и запугивания, привлечение политических деятелей, которые будут более полагаться на свои способности и опыт, нежели на деньги и близость к верхам, формирование чиновничества и политической системы, которые будут действительно служить народу.

Хотя в начале пребывания Джоко Видодо на посту главы государства было немало людей, сомневавшихся в прочности его позиций, опросы демонстрируют обратное. Если бы президентские выборы состоялись в декабре 2015 г., за него проголосовали бы 1,4% опрошенных, а в июле 2016 г. – 32,4%, за его противника на выборах генерала Прабово Субианто соответственно 11,8% и 9,4% (правда, при последнем опросе 48,4% опрошенных отказались отвечать)³⁰.

Можно с необходимой осторожностью предположить, что избрание Джоко Видодо знаменует переход от эпохи, когда путь наверх определялся харизмой, как у Сукарно и его дочери, принадлежностью к элите – А.Вахид и отчасти С.Б.Юдойоно, к выдвижению на высшие посты эффективных менеджеров. К этой категории относится и нынешний вице-президент Юсуф Калла, принадлежащий к влиятельному семейному предприни-

мательскому клану. Но в 2009 г. его попытка баллотироваться на пост президента не увенчалась успехом – победил генерал С.Б. Юдойоно. Впрочем, не забудем, что Джоко Видодо пользовался активной поддержкой Мегавати Сукарнопутри и ее партии.

Те, кто нападает на демократические реформы под предлогом защиты государственной идеологии, умышленно или бессознательно игнорируют то обстоятельство, что именно демократизация и модернизация политической системы создали объективные возможности для реализации в современных условиях гуманистических ценностей, заложенных в панча сила отцами-основателями Республики Индонезии. Негативные явления, в частности, проявления религиозной нетерпимости, не порождены эпохой реформ. Они унаследованы от предыдущих режимов, а ныне становятся достоянием общественности благодаря неоспоримо высокому уровню гласности (индонезийцы ее называют открытостью) и, в частности, свободе средств массовой информации. Это же касается межэтнических конфликтов, которые также становятся предметом общественной дискуссии и критики, затрагивающей и политику государственной власти.

Существенный прогресс достигнут, в частности, в положении диаспоры этнических китайцев с их традиционным доминированием в ряде отраслей экономики. Полагаем, что благодаря «открытости» общественность имеет возможность отслеживать реальную роль хуацяо и не возлагает на них, как прежде, всю тяжесть вины за экономические тяготы. Тот факт, что этнический китаец Басуки Чахайя Пурнама, христианин по вероисповеданию, стал губернатором столичного округа и намерен баллотироваться на второй срок, достаточно красноречив, хотя его путь нельзя назвать легким. По данным опроса (август 2016 г.), до 70% населения Джакарты не связывают свое отношение к нему с его принадлежностью к китайской диаспоре. При этом, однако, до 60% предпочли бы видеть на этом посту мусульманина³¹.

Многое зависит от того, удастся ли подлинным сторонникам официальной идеологии наполнить ее традиционные ценности демократическим содержанием, чтобы дать толкование

новым процессам, протекающим в обществе, и развивать национальную идеологию, не превращая ее в некое табу на постановку и поиски ответа на вопросы, порождаемые реальной жизнью при в целом успешном развитии страны.

Предстоит ответить, например, на следующие вопросы. Что можно считать социальной справедливостью в обществе имущественного неравенства? Как совместить демократические права, в частности, всеобщие выборы, голосование, формальную власть большинства с императивом консультаций и консенсуса? Попытки вернуться к панчасилаизму эпохи Сукарно все еще имеют место. Бывший в 2004 – 2014 гг. президентом страны отставной генерал Сусило Бамбанг Юдойоно уже в августе 2016 г. говорил на одном из научных семинаров, что индонезийское общество переживает моральную деградацию. Чтобы преодолеть ее, говорит он, экономическое развитие общества должно соответствовать религиозным ценностям, не быть слишком капиталистическим и не ориентироваться на рынок³². Принцип единства Индонезии, несущий, возможно, самое сакральное содержание, окажется под угрозой, если не будут соблюдены другие принципы, в том числе не будет развиваться в сторону подлинной демократичности принцип религиозности. Сторонники консервативного подхода к панча сила не дают себе труда объяснить, почему уже два режима, на знамени которых были пять принципов, окончились жесточайшими кризисами. Элите еще предстоит преодолеть соблазн противопоставить панча сила современной демократии, перестать возлагать вину за все трудности общественного развития на внешнее влияние, на процесс глобализации, отвести ответственность от себя. Можно предположить, что мы присутствуем сейчас при фактическом начале скрытой борьбы между сторонниками идеологического консерватизма и той частью элиты, которая сознает, что социально-экономические, политические и культурные реалии Индонезии требуют существенной модернизации панча сила. Дело осложняется тем, что консерваторы утверждают, что ведут борьбу за сохранение национальной индивидуальности в условиях глобализации, которую они отождествляют с вестернизацией и даже американизацией. Под этим предлогом подлинные общечеловеческие ценности

фактически неправомерно противопоставляются потребностям собственного общественного развития страны.

Оптимальной представляется ситуация, при которой панча сила, оставаясь символом национальной индивидуальности, не стала бы тормозом для развития политической мысли, состязательности идей и обогащалась благодаря этому процессу.

¹ Сукарно. Рождение панча сила // Сукарно. Индонезия обвиняет. М. 1956. С. 249-273.

² Цыганов В.А. Сукарно: творец и романтик «идеологии единства» // Сукарно. Политик и личность. М., 2001. С. 89.

³ Беленький А.Б. Традиционное сознание и идеология светских националистов (на примере Индонезии) // Азия и Африка сегодня, №7, 1980. С. 28.

⁴ Angkatan bersenjata (Jakarta), 09.11.1972.

⁵ Harian KAMI (Jakarta), 28.01.1971.

⁶ Angkatan bersenjata, 14.05.1971.

⁷ Soeharto. Pikiran, Ucapan dan Tindakan Saya. Otobiografi seperti dipaparkan kepada G. Dwipayana dan Ramadhan K.H. Jakarta 1989. Hal. 383.

⁸ Analisis CSIS (Jakarta). Tahun XXII, No 2, Maret – April, 1993. Hal. 120.

⁹ Suara Pembaruan (Jakarta), 02.04.2016.

¹⁰ Suara Pembaruan, 03.11.2015.

¹¹ Беленький А.Б. Цит. соч. С.28.

¹² Цыганов В.А. Цит. соч. С. 67.

¹³ Antara News.com., 05.02.2016.

¹⁴ Antara News.com., 08.03.2016.

¹⁵ Suara Pembaruan, 02.04.2016.

¹⁶ Suara Pembaruan, 12.08.2015.

¹⁷ Gatra News, 15.12.2015.

¹⁸ Gatra news, 13.01.2016.

¹⁹ Kompas (Jakarta), 16.05.2016.

²⁰ Kompas, 12.05.2016.

²¹ Republika.co.id., 20.06.2016.

²² The Jakarta Post, 24.02.2016.

²³ The Jakarta Post, 15.08.2016.

²⁴ <http://www.antaraneews.com/berita/516100/indonesiadisebut20.02.2016>

²⁵ Republika.co.id., 29.08.2016.

²⁶ Antara News.com., 31.05.2016.

²⁷ Antara News.com., 16.11.2015.

²⁸ Antara News.com., 02.06.2016.

²⁹ The Jakarta Post, 21.07.2016.

³⁰ Suara Pembaruan, 24.07.2016.

³¹ Suara pembaruan, 06.09.2016.

³² Republika.co.id., 16.08.2016.